

ских образа в уже процитированном отрывке из повести «Бова Королевич». Надо отметить, что в полной описи архива Солнцева в Архиве Центра русской культуры Амхерст-колледжа никаких следов его «приятеля» обнаружить не удалось. Этот, так и до настоящего времени полностью не разгаданный «казус Солончука» и является финалом (а может быть, также только этапом) многолетних мистификаций Алексея Ремизова, писателя, который наверняка преподнесет своим исследователям еще много загадок.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-199-215

ПЕРЕПИСКА Г. И. ГАЗДАНОВА И Г. А. ХОМЯКОВА (АНДРЕЕВА) 1964–1967 ГОДОВ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Ю. В. МАТВЕЕВОЙ)

Жизнь и творчество писателя первой волны эмиграции Георгия Ивановича Газданова (1903–1971) за последнюю четверть века достаточно изучены. Опубликовано его художественное и публицистическое наследие, значительная часть наследия эпистолярного. Имя Газданова давно не нуждается в комментариях.¹

Фигура Геннадия Андреевича Хомякова (псевд. Андреев, реже — Н. Отрадин, Г. А.; 1904–1984) гораздо менее известна, и на сегодняшний день не так много исследований, которые бы ее затрагивали.² Его жизненная школа в СССР была исключительно суровой: ранний, в 17 лет, арест, заключение сначала в Соловецком лагере особого назначения, а потом и в других северных лагерях, опыт выживания на советской периферии с «волчьим билетом» лагерного прошлого, война, темный и совершенно недоступный постороннему взгляду, как у большинства эмигрантов Ди-Пи,³ период укоренения в европейском мире. Пройдя все это, Хомяков осел на какое-то время в Германии. Активно включился в общественную и литературную деятельность: был известен как деятель НТС (Народно-трудового союза российских солидаристов) и ЦОПЭ (Центрального объединения политических эмигрантов из СССР), участвовал в создании «Товарищества зарубежных писателей», печатавшего многие запрещенные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

¹ См. библиографию изданных в России и за рубежом произведений, писем, выступлений Газданова, а также мемуарных и научно-критических публикаций о жизни и творчестве писателя, составленную Л. Диенешем и Т. Н. Красавченко (*Газданов Г. Собр. соч.*: В 5 т. М., 2009. Т. 5: Письма. Полемика. Современники о Газданове / Под общ. ред. Т. Н. Красавченко; сост., подг. текста, комм. Л. Диенеша, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко. С. 538–689).

² *Бабичева М. Е.* Геннадий Андреевич Андреев (Хомяков) // Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции: Библиографические очерки. М., 2005. С. 47–74; Письма к Игорю Чиннову [Г. Андреева (Хомякова)] / Публ. О. Кузнецовой // Новый журнал (Нью-Йорк). 2002. № 226. С. 169–176; Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими, 1962–1983 гг. / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. М. А. Васильевой, П. А. Трибунского, В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2017. С. 446–504; «„Там“ наши усилия не остаются тщетными и принимаются с величайшим вниманием» (Пять писем из переписки редакторов альманахов «Мосты» и «Воздушные пути») / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. П. Трибунского и В. Хазана // Там же. 2018. С. 282–298; *Матвеева Ю. В.* Поколение, прошедшее «одвуконь»: литературное наследие Г. А. Андреева (Хомякова) в контексте судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 87–102.

³ То есть периода Второй мировой войны: большинство из них прошло через лагеря для перемещенных лиц (displaced person).

в СССР произведения, был членом редколлегии, а с 1962 года — главным редактором литературно-художественного альманаха «Мосты», который ценой собственного энтузиазма при полном отсутствии какого бы то ни было централизованного финансирования выпускал вплоть до 1970 года. С 1963 года Хомяков работал на «Радио Свобода», сначала в мюнхенском его отделении, затем, переехав в 1967 году в Америку, — в нью-йоркском. В 1975–1976 годах был соредактором Р. Б. Гуля в «Новом журнале», в 1980–1981 годах редактировал журнал «Русское возрождение».

Литературное наследие Г. Хомякова (Андреева) состоит из рассказов и очерков, в большинстве своем — автобиографического характера: четыре очерковые книги («Соловецкие острова» (1950), «На стыке двух эпох. Из воспоминаний» (1954), «Трудные дороги» (1959), «Минометчики» (1975–1978)), а также целый ряд рассказов, опубликованных в разных эмигрантских изданиях. Во всех своих художественных текстах Хомяков последовательно воспроизводит горький опыт собственного жизненного пути: тюрьма и сталинский исправительно-трудовой лагерь («Соловецкие острова», «Трудные дороги»), участие в процессе советского строительства («На стыке двух эпох. Из воспоминаний»), фронт, плен, немецкие концлагеря во время войны («Минометчики»).

Литературно-общественная и издательская деятельность Хомякова после Второй мировой дала ему возможность познакомиться, войти в контакт и долгие годы сотрудничать со многими представителями первой эмиграции, которая, по-видимому, вообще была ему интересна как психологический и культурный феномен. В целом ряде своих рассказов он, например, изобразил «встречу» эмигрантов первой волны и советских солдат, создав своеобразную галерею типажей героев-белоэмигрантов. Откликнулся Хомяков и на литературные произведения писателей-эмигрантов: среди опубликованных им рецензий находим рецензии на романы И. Сургучева⁴ и М. Алданова.⁵ Коллегами Хомякова по литературной, издательской и организационно-журналистской деятельности были Г. В. Адамович, А. В. Бахрах, Н. Н. Берберова, В. С. Варшавский, Р. Б. Гуль, И. В. Одоевцева, Ф. А. Степун и, конечно же, — Г. И. Газданов.

Факты биографий обоих писателей и ранее опубликованные фрагменты их переписки с разными людьми свидетельствуют о том, что между ними были прочные профессиональные и, возможно, дружеские отношения: оба в первой половине 1960-х годов встречались в Мюнхене, куда часто приезжал из Парижа Газданов и где довольно продолжительное время жил Хомяков. Обоих связывала служба на «Радио Свобода». На страницах редактируемого Хомяковым альманаха «Мосты» Газданов несколько раз публиковал свои произведения. У них были общие друзья и знакомые, а следовательно, и общие корреспонденты. Так, например, в письмах Газданова к Л. Д. и А. С. Ржевским Хомяков упоминается неоднократно.⁶ В свою очередь и Хомяков упоминает Газданова. В письме к Варшавскому, например, читаем: «Кроме того, очень прошу не отказать дать это обращение прочитать Анину и Газданову и сказать им, что прошу подписать их, — не посылаю им, чтобы не очень расходоваться».⁷ Даже в письмах Ф. Д. Ламзаки, жены Г. Газданова, к Л. Д. и А. С. Ржевским неоднократно присутствует имя Г. Хомякова: «Ц<елый> м<есяц> мы были у Хомяков. <так!> Выглядит неплохо, но не мешало бы ему похудеть»; «Ваше письмо, Леонид Денисович, доставило нам большое удовольствие, так как мы беспокоились, как и что у Вас и не холодно ли Вам. Правда, кое-что Гайто узнал от Хомякова, но все же от Вас мы узнали гораздо больше»; «Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Хомяковым, если они еще помнят меня».⁸ Сообщает о приезде Андреева (Хомякова) из Мюнхена в Нью-Йорк

⁴ Г. А. [Хомяков Г. А.]. Современный роман // Грани. 1952. № 15. С. 117–118.

⁵ Г. А. Роман о наших днях // Там же. С. 174–175.

⁶ См. об этом: Матвеева Ю. В. Поколение, прошедшее «одвуконь». С. 90–91.

⁷ Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими. С. 492. Хомяков просит Варшавского передать Газданову составленный к юбилею русской революции манифест-обращение «К интеллигенции России» с просьбой о подписании.

⁸ Орлова О. Материалы к биографии Гайто Газданова: переписка Ф. Д. Ламзаки. См.: http://www.darial-online.ru/2005_3/orlova.shtml; дата обращения: 31.07.2019.

в одном из писем Газданову Гуль: «На днях приезжают сюда Андреев из Мюнхена, Чиннов из Канзаса. А Ржевский давно уже здесь».⁹

Обнаруженная в фондах РГАЛИ переписка Газданова и Хомякова (13 писем, из которых 5 принадлежат Газданову и 8 — Хомякову) закономерно восстанавливает отсутствующее звено в сюжете взаимоотношений двух писателей, включенных в разные потоки русской эмиграции XX века, но принадлежавших к одному поколению. Из этих тринадцати писем, охватывающих несколько лет общения (с мая 1964-го по декабрь 1967 года), видно, что корреспонденты свободно пикируются остротами, обмениваются шутками, игровыми цитатами, словами из лексикона эмигрантского и советского новояза, расходятся во мнениях, спорят, стараются понять друг друга. С обеих сторон это чрезвычайно «живые» письма, в которых нет натянутости, скучных обязательных формул отдаленно-вежливого общения, нет политеса, который обычно ощущается в переписке «неравной». Зато есть дружеская заинтересованная деловитость, пропуски содержательные и событийные, возможные лишь в том случае, когда корреспонденты хорошо знают образ жизни и круг общения друг друга, есть искренность, переходящая в страстность, ирония и самоирония. По интонационно-эмоциональному колориту письма Газданова к Хомякову могут быть сопоставлены в газдановском эпистолярном наследии только с письмами к Л. Д. Ржевскому, еще одному важному персонажу русско-эмигрантского мюнхенского сообщества и, кстати, той переписки, которая здесь представлена. Совершенно очевидно, что именно поколенческая общность, несмотря на непреодолимую, казалось бы, разницу между реальностью довоенной эмигрантской жизни Газданова в Париже и жизнью Хомякова в сталинской России, создала особый язык понимания между писателями столь разными.

Письма Г. И. Газданова и Г. А. Хомякова публикуются впервые, по рукописям и машинописям, хранящимся в РГАЛИ (ф. 1348 (Собр. писем писателей). Оп. 8. № 104 (письма Г. И. Газданова), 107 (письма Г. А. Хомякова)). Текст писем воспроизводится в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, однако с сохранением ряда особенностей авторского письма (сюда относятся, прежде всего, своеобразный синтаксис, написание ряда имен собственных и названий исторических событий). Сохранено по возможности и графическое своеобразие писем: расположение датировки и подписей (в письмах Хомякова подпись отсутствует, даже в виде росчерка), отсутствие красной строки в машинописных письмах Хомякова. Сокращенные слова восстановлены в угловых скобках.

Приношу самую искреннюю благодарность Т. Н. Красавченко (Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН), О. А. Коростелеву (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН), А. В. Антошину (Уральский федеральный университет) за ценные дополнения и замечания по тексту писем и комментариев. Благодарю также Российский государственный архив литературы и искусства за любезное разрешение опубликовать переписку.

1

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

28 мая 1964 г.
Мюнхен.

Дорогой Георгий Иванович,

как, не забыли случаем, об отрывке из нового романа для «Мостов»? Если есть рассказ, тоже не возражаем. То и другое — не очень пространное, страниц на 10–12 в альманахе, больше, боюсь, не поместится. Материала набирается много, придется кое-что и оставить, но Ваш всегда к месту. Торопить не особо тороплю (числа с 10.6 уедем

⁹ Из переписки Г. И. Газданова и Р. Б. Гуля // Газданов Г. Собр. соч. Т. 5. С. 123.

в отпуск, вернемся к 1.7 — но тогда надо обязательно: буду все сдавать в набор), иначе, надо иметь полное представление о своем «активе», чтобы заранее рассчитать. Это не то, что прежде: тогда можно было подсчитывать потом. А сейчас — коврижки все на учете, до последней страницы.¹ И очень обяжете, если сообщите, когда ждать и сколько.

Ржевские² собирались было приехать сюда, на лето, но потом неожиданно все переменили: согласились переехать в Нью-Йорк из своей благодатной, но испепеляющей пустыни оклахомской, его пригласили в нью-йоркский университет.³ Потому поехали, или поедут на днях, куда-то в пансион на отдых, а потом в Нью-Йорк, осенью. Да и расставаться, пишут, А<гния> С<ергеевна> с новой машиной не хочет. Так всегда.

Приветствуем Вас и поклон Фаине Дмитриевне,⁴

Ваш

¹ В 1963 году финансирование альманаха из средств ЦОПЭ было прекращено ввиду ликвидации вышеупомянутой организации, однако Хомяков продолжал издавать альманах до 1970 года (всего вышло 15 номеров), изыскивая с большим трудом средства для каждого следующего номера.

² Имеются в виду прозаик второй волны эмиграции Леонид Денисович Ржевский (наст. фамилия — Суражевский) (1904–1986) и его жена, поэтесса Агния Сергеевна Шишкова (псевд. Аглая Шишкова; 1923–1998), переехавшие в 1963 году в США и принявшие американское гражданство. Л. Д. Ржевский с 1956 года возглавлял русскую редакцию на «Радио Свобода» («Освобождение») в Мюнхене, был главным редактором журнала «Грани» (1952–1955), занимался преподавательской деятельностью в Швеции (Лундский университет) (1953–1963).

³ В США Л. Д. Ржевский преподавал русский язык и литературу сначала в Оклахомском (1963–1964), а потом в Нью-Йоркском университете (1964–1973).

⁴ Ламзаки Фаина Дмитриевна (1892–1982) — жена Г. И. Газданова.

2

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

8/VII/64. Lido di Venezia¹

Дорогой Геннадий Андреевич,

сегодня с удивлением узнал от Л. В. Вейдле,² что Вл<адимир> Вас<ильевич> получил от Вас письмо, в котором Вы пишете, что я Вам ничего не ответил и ничего не прислал. Не то, чтобы я Вас вдруг заподозрил в распространении сведений, которые не соответствуют действительности, — Боже меня упаси. Но надо думать, итальянская почта не спешит. В двадцатых числах июня, если мне не изменяет память, я Вам отправил из Италии письмо и «отрывки из Воспоминаний»³ — 14 страниц текста, рукописного, конечно, за неимением у меня под рукой машинки. Я надеялся, что Вы это все получите через два-три дня. Письмо было тяжелое, поэтому я отправил его из почтовой конторы города Francavilla, помню даже, что служащая при мне наклеивала марки — на 190 лир. Конверт был отправлен по адресу Комитета,⁴ на Lilienthalstr<афе> на Ваше имя.

Надеюсь, что теперь Вы все это все-таки получили. Очень буду Вам обязан, если Вы мне дадите знать, дошло ли это все до Вас или нет. Было бы глупо, если бы это пропало или затерялось в итальянско-германских почтовых недрах. Если бы это было так, то я мог бы повторить эту операцию, т. е. послать Вам второй раз текст, это в конце концов, день работы. Но конечно, это лишняя возня. Жду стало быть Вашего разъяснения, пошлите его «экспрессом», если можно.

Сердечный привет супруге. Ф<аина> Д<митриевна> Вам обоим кланяется. Крепко жму руку.

Ваш Г. Газданов.

P. S. Мой адрес — Hotel Sorriso, via Colombo, Lido di Venezia.

¹ Лидо ди Венеция — итальянский курорт близ Венеции. Как сообщают Т. Н. Красавченко и Ф. Хадонова, это любимое место отдыха Газданова в период работы на «Радио Свобода». См.: *Газданов Г.* Собр. соч. Т. 5. С. 253.

² Вейдле Людмила Викторовна, жена историка искусств и литературного критика Владимира Василевича Вейдле (1895–1979).

³ Под названием «Из записных книжек» этот текст был опубликован в «Мостах» (1965. № 11; 1966. № 12).

⁴ Имеется в виду Американский комитет по освобождению от большевизма, благодаря которому было создано «Радио Освобождение» (с 1959 года — «Радио Свобода»).

3

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

10 июля 1964 г.

Мюнхен.

Дорогой Георгий Иванович,

жена послала открытку из Рима или Флоренции в Гамбург недели три тому назад, — она пришла только на днях. Дней за десять перед нашим отпуском мы послали телеграмму о визе, в Афины, — ответ пришел тоже на днях, когда мы возвратились из отпуска. Так что — что Вы хотите от этих южных народностей, чтобы они спешили? А зачем?

Ваша рукопись пришла на другой, кажется день, после того, как я писал Вл<а-
димиру> Вас<ильевичу>. Спасибо, что прислали, напечатаем, конечно. Но возникли у меня всякие побочные недоразумения. Признаться, я ждал, как мы говорили, отрывок из романа, который я хотел дать первым, — у меня открыть нечем. А тут открываю — «Из воспоминаний». Значит, мол, в отдел «Восп<оминания>-документы». Читаю — нет, туда не идет. В сущности, вместе с тем, это не рассказ, а скорее очерк. Это ничего, очерков таких, как говорится, дай Боже побольше, но для открытия не подходит. Ну, с открытием устроюсь, придумал другое расположение материала, хотя и не ахти какое, а Ваше дадим в серединку. Но не стоило бы придумать какое-нибудь другое название, тоже объединительное, но без «воспоминаний»? Оно сразу настраивает читателя не на тот лад. Что-нибудь такое завлекающее, вроде — «по дороге жизни», или «на крутых поворотах»... Может — «Из случайных встреч»? Уже малость иначе звучит. «Случайные встречи» — где «встречи», оно лучше. Придумайте что-нибудь.

Материала набирается, пожалуй, больше, чем нужно: слишком толсто не вытянем, из-за денег. Каждые 50 страниц — больше тысячи марок, так что приходится жаться. Но страниц на 350–360 сделаем. Вот только когда — об этом побаиваюсь и загадывать. Надо бы в сентябре–октябре, да — рази ж извозчики ныне, как бывалча? А овес-то почему? На наш язык перевести — с типографиями, русскими, совсем стало дело швах, на ладан дышат русские типографии, ничего не попишешь. Ну, как-нибудь.

С удовольствием будем Вас лицезреть, — слышал, Вы будете здесь что-то к концу месяца, или в начале августа. Куда-то Ржевские пропали: писали, едут куда-то на озеро, отдыхать, потом, к осени, в Нью-Йорк, а больше ничего от них не слышно. Заотдыхались, видно. Он тоже собирался что-то прислать, но не наверное.

Желаем продолжать приятно купаться, загорать (у нас тут холодище, ночью по 7–8, а то и 5 градусов, — каково, в июле?), набираться сил для великих и поменьше свершений. Приветствуем и Фаину Дмитриевну, и Вас и всего лучшего,

Ваш

4

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

22 июля 1967 г.

Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович!

Где Вы обретаетесь, как живете, что поделяетесь? Слышал я, что Вы уехали в отпуск, — разумеется, я желаю, чтобы он длился как можно больше и не буду в претензии, если Вы еще не вернулись и найдете это письмо потом. Письмо, что же — вещь в некотором роде не существенная, а отпуск — это всегда хорошо.

Как видите, мы пишем Вам уже как бы в другом состоянии, то есть американском.¹ Долго бегали, высунув языки, пока не нашли фатеру, устроились, — процесс этот тянулся до бесконечности. Но все же он кончился, теперь живем, вроде бы привыкаем, но привыкнем ли, — возможно, что и не успеем. На это же много времени надо, при нашем закоренелом европейском виде, обомшелом, — быстро не привыкнуть, а там, глядишь, помирять надо. Годы ведь!

Ну, не будем ныть. Пишу по двум поводам, в дополнение к тому, что без повода. Анину² я послал текст «обращения», по случаю 50-летия революции,³ и просил его, по прочтении, передать Вам. Об этом же некоторое время тому назад я просил Варшавского,⁴ но он молчит упорно и вряд ли, вижу, ответит. Этот текст, между прочим, малость уже переработанный, сокращенный. Дело тут такое: надо собрать 20–25 подписей наших наиболее известных и уважаемых писателей, журналистов и т. д. (уже есть подписи Зайцева, Адамовича, Шмемана и т. д.), после чего Обращение будет опубликовано в «Н<овом> Р<усском> Слове»,⁵ «Русской мысли»⁶ и — тиснуто брошюрой для посылки на любимую родину. Революции оно там не сделает, но кому-то, глядишь, кое-что прояснит, а главное — даст «направление». И вот я очень хотел бы, чтобы и Вы присоединились к этому крамольному делу, о чем потом и сообщили мне. На мой взгляд, это надо было бы сделать нашей эмиграции обязательно, при всем самом трезвом отношении к такому предприятию. Итак, о'кей, как говорят здешние обитатели?

Второе дело такое: уезжая из Мюнхена, я решил было «твердо», что «Мосты» кончились. Но тут на меня нажали некоторые лица и от моей решимости, в общем, ничего не осталось. Так что повезем еще сей воз, одну-другую книжку еще выпустим, — ежели, конечно, Вы поддержите. Если осенью, этак к концу сентября, материал соберем, то в начале будущего года выпустим. Посему — присылайте рассказ или очерк или отрывок из того или другого. О'кей? Все обещают, не знаю только, сколько сдержит обещание.

Где и как поживает Фаина Дмитриевна? Шлем с женой ей и Вам самые сердечные приветы и лучшие пожелания! Привет и окружающим, тем, разумеется, кто помнит о нашем существовании.

Ваш

¹ В 1967 году Г. А. Хомяков с женой переехали в США.

² Анин Давид Сергеевич (наст. фам. — Азархс; 1913–1976) — сотрудник мюнхенского отделения «Радио Свобода».

³ Обращение «К интеллигенции России», подписанное многими представителями интеллектуальной элиты первой и второй волн русской эмиграции, было опубликовано в эмигрантских газетах «Новое русское слово» (1967. 29 окт. № 19956) и «Русская мысль» (1967. 2 нояб. № 2659). См. об этом: Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими, 1962–1983 гг. / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. М. А. Васильевой, П. А. Трибунского, В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2017. С. 492.

⁴ Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978) — эмигрант первой волны, прозаик, литературный критик, публицист, автор книги «Незамеченное поколение». Письмо (от 6 июля 1967 года из Нью-Йорка), в котором Хомяков просит Варшавского передать обращение Анину и Газданову, опубликовано (см.: Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими. С. 491–492).

⁵ «Новое русское слово» — одна из старейших русскоязычных газет за пределами России, основанная в 1910 году в Нью-Йорке.

⁶ «Русская мысль» — газета русской эмиграции, основанная в 1947 году в Париже.

5

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

13/VIII/67. Мюнхен.

Дорогой Геннадий Андреевич, простите, что отвечаю с опозданием — был в Италии, потом пришлось, вернувшись в Мюнхен, ехать в Париж по паспортным делам и за вещами, словом, за это лето я проехал, наверное, тысяч десять километров. Теперь начинаю более или менее оседлый образ жизни здесь, в Мюнхене, где рассчитываю просидеть год-другой.

«Мосты», конечно, дело хорошее, хотя и хлопотливое. Не очень уверен, что они выйдут, но, как говорится, дай Бог. По поводу Вашего предложения что-нибудь прислать — рылся в своих литературных архивах и неожиданно обнаружил целый роман,¹ который я наполовину написал и потом почему-то бросил — было это в конце прошлого столетия. Могу, в крайнем случае, дать Вам оттуда отрывок страниц на десять — печатных. Отрывок более или менее законченный. Если такая комбинация Вас устраивает, сообщите.

То, что Вы в Америке, что же, и в Америке люди живут. На людей неустойчивых она плохо действует, балдеют, начинают делать и писать вздор, но Вам это не угрожает, я думаю, потому что, наоборот, мне кажется, Вашей природе, Вы человек прочный. Чего нельзя сказать о многих наших общих знакомых, между прочим.

Что касается подписи под обращением, то тут у меня сомнения. Вот почему: во-первых, я служащий Ам<ериканского> Ком<итета>,² что значительно уменьшает ценность подписи. Но это не так важно. Важнее другое: племяннице Ф<аины> Д<митриевны>, польской гражданке,³ которая приезжает к нам каждый год, постоянно ставят на вид, что вот, дескать, ейный дядюшка работает на радиостанции, которая... и т. д. Боюсь, что в этом смысле моя подпись под обращением ей может повредить. Текста обращения я не видел, Варшавский обещал мне его показать, но что-то робеет. Посмотрим в общем.

Ну вот. А в остальном все тихо, «живем, окруженные иностранцами», как писал русский дьякон из Парижа в Югославию.⁴ Отец Шмеман,⁵ дай ему Бог здоровья, человек редких достоинств, но от его воскресных бесед⁶ у меня тоска смертная. Но это, конечно, дело частное. Ф<аина> Д<митриевна> здесь, все благополучно, просит передать, что она Вам кланяется и целует Элли Карловну,⁷ которой я сердечно кланяюсь. Крепко жму руку. Ваш Г. Газданов.

¹ Речь идет о романе «Эвелина и ее друзья», отрывок из которого под названием «Отрывок из романа» был напечатан в «Мостах»: 1968. № 13/14. Полностью роман был напечатан в «Новом журнале» (1968. № 92; 1969. № 94–97; 1970. № 98–101; 1971. № 102, 104–105).

² С января 1953 года до самой смерти в 1971 году Газданов работал на американской радиостанции «Свобода» («Освобождение»): автором-редактором Русской службы, корреспондентом Парижского бюро «Радио Свобода», главным редактором Отдела новостей, главным редактором Русской службы в Мюнхене. Псевдоним, под которым Газданов выступал и выпускал свои программы, — Георгий Черкасов. См. об этом: *Dienes L. Russian literature in Exile: The Life and Work of Gajto Gazdanov.* München, 1982. P. 54; *Красавченко Т. Н.* Газданов на «Радио Свобода» // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Т. Н. Красавченко, сост. Т. Н. Красавченко, М. А. Васильева, Ф. Х. Хадонова. М., 2005. С. 232–234; *Диенеш Л.* Выступления на радио «Свобода» (1960-е — 1971) // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 4 / Под общ. ред. Т. Н. Красавченко. С. 692–696.

³ «Польскую» племянницу Фаины Дмитриевны звали Мария Ламзаки. Как и ее сестра Татьяна, она была в прекрасных отношениях с семьей Газдановых и длительное время жила в их доме. Подробнее см.: *Орлова О.* Материалы к биографии Гайто Газданова: переписка Ф. Д. Ламзаки. См.: http://www.darial-online.ru/2005_3/orlova.shtml; дата обращения: 31.07.2019.

⁴ Эту же цитату Газданов использует в письме к Л. Д. Ржевскому от 25 ноября 1962 года (*Газданов Г.* Собр. соч. Т. 5. С. 217). Установить источник не удалось.

⁵ Шмеман Александр Дмитриевич (1921–1983) — протопресвитер Православной Церкви в Америке, богослов, философ, преподаватель, автор многих работ по истории церкви и богословию.

⁶ Имеется в виду религиозная программа о. А. Шмемана на «Радио Свобода».

⁷ Жену Хомякова звали Элли Оскаровна (1908–1992; см.: Переписка С. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими. С. 462), однако Газданов во всех письмах называет ее Элли Карловна.

6

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

31 августа 1967 года
Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

как говорится, «долг платежом красен»: отвечаю тоже с опозданием. И тоже потому, что был в отпуске. Две недели прожили на озере, в лесу, на севере, — тут в отпуск едут на север, а не на юг. Было очень хорошо, я целыми днями ловил рыбу, т. е. предавался совершенно пустому и странному, по Вашему, занятию. И жалею, что мало и что пришлось его прервать.

Причина Вашего уклонения от подписания Обращения, конечно, весьма уважительная и поэтому какие-либо настояния тут были бы совсем неуместны. Так что — быть по сему. Последний текст, переделанный в соответствии с отзывами, я послал Ани-ну и просил его показать Вам. Теперь это разве — только для сведения.

То, что Вы обнаружили в «анналах» чуть ли не целый роман — могу только поздравить. А себя — или «Мосты» — поздравляю с тем, что от Вас обязательно получу отрывок из обнаруженного, который может быть и несколько больше, пространнее десяти страниц. Скажем, располагайте местом этак от 10 до 20 страниц в «Мостах». Но, конечно, это на Ваше усмотрение. А сам факт, т. е. присылка Вами рукописи, из всякого усмотрения исключается: факт сей должен совершиться неукоснительно.

Пишу этим стилем, наверное, под влиянием того русского дьякона, о котором Вы вспомнили. Он прав сто раз, тут ничего не поделаешь: в самом деле живем, «окруженные иностранцами». Но уметь сказать так, как этот дьякон сказал — куда нам, кишка тонка.

Поклон и лучшие пожелания Фаине Дмитриевне от жены и меня — и Вам тоже. Приветы окружающим, православным и иностранцам — по Вашему усмотрению.

Ваш

7

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

8/X/67. Мюнхен.

Дорогой Геннадий Андреевич, не так давно послал вам десять страниц прозы для «Мостов» — можно было бы выбрать и другой отрывок, но не хватало времени. Если это не подойдет, ничего страшного не будет. Напечатан текст был с ошибками. Вы знаете, что средняя переписчица обыкновенно текста, который она печатает, не понимает, потому она дура и ни в литературе, ни в синтаксисе, ни в логическом построении — ни уха ни рыла. Таков, по-видимому, закон природы — а то откуда бы можно было взять машинисток?

Что у Вас? как обстоит дело с собиранием материала? Смотрю со стороны на Ваш бескорыстный труд и почтительно удивляюсь: я, как Вы знаете, к русской культуре отношения не имею, но испытываю уважение к тем, кто на этой «ниве», как писали в доброе старое время, трудится.

Как живется в Нью-Йорке? Город трудный, шумный и неудобный, там можно побыть некоторое время как турист, но жить постоянно и работать, это другое дело. Это Вам не баварская дыра, как Мюнхен, где все тихо. Видел здесь недавно Анатолия Ива-

новича,¹ он не унывает. А так с Нью-Йорком у меня связи нет, — кроме профессиональной — письма в русскую редакцию. Но в этом развлекательного мало.

Фаина Дмитриевна просит меня передать Вам сердечный привет и сказать, что Элли Карловну она целует. Я со своей стороны Вам обоим кланяюсь — «от белого лица до сырой земли».²

Ваш Г. Газданов.

¹ Возможно, речь идет о дикторе мюнхенского отделения «Радио Свобода» Анатолии Гейхмане. Точно установить упомянутое лицо не удалось.

² Устойчивый оборот, вошедший в речевой обиход, по-видимому, из духовных стихов. Газданов использует его в своих письмах с иронической интонацией, как возвышенно-просторечный. В письме к Л. Д. Ржевскому от 26 февраля 1971 года он так объясняет эту иронию: «Одним словом, дорогой Леонид Денисович, пишите все, что хотите, а мы Вам за это будем признательны и будем кланяться „от белого лица до сырой земли“ — как я писал в свое время в письмах, которые мне диктовала наша кухарка, женщина достойная, но неграмотная и по культурному уровню напоминающая мне старуху Фурцеву» (Газданов Г. Собр. соч. Т. 5. С. 242).

8

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

12 октября 1967 г.
Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

и рукопись несколько дней назад, и письмо Ваше вчера — все получил и благодарю. Почему, не знаю, когда я пробежал быстро рукопись первый раз, она мне показалась «не того» и я уже было хотел написать Вам, а нельзя ли поискать другой отрывок, более сильный, обычный для Вас. Но сейчас прочел еще раз — и нашел, что то впечатление было ошибочно, с чем себя и поздравил. А машинистки — верно, на то и созданы, чтобы досаждать, иначе не умеют. Вот, на первой же странице, восьмая строка — «настроение», когда ясно, что нужно «построение». Внизу на этой же странице, не знаю, не опечатка ли тоже? — «систему графического изображения», — наверное надо «схему», а может, лучше вообще без схемы и системы, чуть переделать. На 8-й стр. наверху тоже явная опечатка: «отдельное» когда надо «отдаленное». Но это все, разумеется, беда не великая, легко поправить. Непонятно, между прочим, на второй стр. — «операция Эвелины прошла благополучно, как всегда», — что за операция и нужна ли она тут? В общем, на досуге посмотрите еще, дорогой Георгий Иванович, время пока терпит.

К Нью-Йорку потихоньку пытаемся привыкать, но дело это, похоже, безнадежное: к нему, видно, вообще привыкнуть нельзя, а в наши годы тем более. Город, да, интересный, но интересность эта совсем не та, что у городов Европы и слишком уж затемняет ее чудовищность этого же города. Это — город-монстр, таких больше нет и не бывает. Когда-то, м<ожет> б<ыть>, его перестроят, но на это нужны десятки лет. А сейчас — целые огромные районы заполнены грязными, облупленными, закопченными безнадежно старыми домами, которые строили даже с некими претензиями, — по крайней мере многие, — продиктованными кичливостью, но отнюдь не потребностью в красоте. И строили еще тогда, когда не имели никакого понятия о том, что дома, улицы домов — это не только жилье, жилища, но и должно быть приятно для глаза. Куда там, об этом начали думать, и то в весьма малых дозах, уже разве после первой <так!> мировой войны. В результате — есть две-три не запакощенных улицы, есть несколько «центров», — а остальное может приводить в содрогание, если замечать. С 71 улицы я хожу на работу пешком, на 42-ю и еще два с лишним «длинных» квартала «поперек», это занимает около 40 минут — и за этот путь нюхаю десятки отвратных запахов, чего-то протухшего, заплесневевшего, затхлого, сгоревшего, из подвалов, магазинчиков, забегаловок, — черт знает что. И вычистить невозможно, да и где взять

рабочих, они дерут за свою работу неслыханно, — да и нет потребности. Нет, город чудовищный. Огромные богатства, и мощь — и море копоти, грязи, дыма, шума, от чего «не продохнешь».

Да, Вы, кажется, увлеклись эпистолярным искусством, вернее — составлением инструкций, о чем сегодня сообщил Ваш шеф. Вот тут, может быть, стоит предостеречь от возможности «впадения» в административный восторг. Тут у нас тоже «живые люди», как говорится, и всякие планы, вкуче с другими начальственными указаниями, они выполняют, иногда хорошо, иногда хуже, как везде и всюду — и надо ли их цукать¹ еще дополнительно? И зачем? Обижаются же люди — и они правы, что обижаются, ненужным дополнительным указкам. Может, кому-то они нужны, в виде подтверждения бурной активности, — но нам-то с Вами это, конечно, ни к чему.

Шлем сердечные приветы и Фаине Дмитриевне, и Вам; мы с удовольствием вспоминаем, когда встречались с вами, в Мюнхене ли, в Париже. Да жаль, времена те прошли, как говорят в романах, безвозвратно.

Вы видите часто с Вл<адимиром> Серг<еевичем>² — передайте, что каюсь, не ответил ему, но пусть не сгует: переписки у меня вагон, пропадая. Привет ему,

Ваш

А что с Ал<ександром> Вас<ильевичем>?³ Молчит, как зарезанный.⁴

¹ Цукать (*простореч.*) — резко одергивать, выговаривать (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1965. Т. 17. С. 722).

² В. С. Варшавский в 1967 году был переведен в мюнхенское отделение «Радио Свобода», тогда как Хомяков в этом же году переехал в США — работать в нью-йоркском отделении. Взаимоотношения Варшавского и Хомякова приоткрывает их переписка. См.: Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими. С. 446–504.

³ Бахрах Александр Васильевич (1902–1989) — литературный критик, мемуарист, автор книги об И. А. Бунине «Бунин в халате» (1979), сотрудник Русской службы «Радио Свобода».

⁴ Обе фразы приписаны от руки шариковой ручкой.

9

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

17/X/67. Мюнхен.

Дорогой Геннадий Андреевич, спасибо за письмо. Отрывок, конечно, можно было бы выбрать побойчее, тем более, что есть, но времени не хватило и опять начинать эту волюнку неохота, тем более, что я сейчас по вечерам продолжаю писать вышеизложенный роман. Хорошего в этом мало, но что поделаешь, припадок графомании. На счет поправок — сделайте их сами, окажите услугу. «Операция Эвелины», — если это не очень понятно в тексте, можно прибавить в двух тире — Мервиль¹ имел в виду ее очередной аборт — но можно в крайнем случае без этого обойтись и упоминание об операции вообще уничтожить. Вместо «системы» должна, конечно, быть «схема». Но если выйдет, что места в «Мостах» не хватит для моего отрывка, это будет лучшим решением вопроса.

Ваше впечатление о Нью-Йорке уж что-то слишком мрачное. Правда, я там жил как турист, а не служащий,² так что мое суждение неизбежно должно быть другим. Но что веселого там мало, это я охотно допускаю.

Теперь по поводу моих эпистолярных упражнений. Я очень далек от административного восторга. Но согласитесь, что многие тексты нью-йоркской редакции — просто невозможны. Оно, по человечеству, понятно: взяли бедного Закутина³ и говорят — пиши «наши современники». А он такой писатель, как Вы балерина. Или Тамара,⁴ дай ей Бог здоровья. «Так пишет Галина Николаева⁵ о проблеме кулачества», или Анна Караваева,⁶ или Ефим Зозуля.⁷ Кому нужна эта захолустная хреновина? Или тот же Завалишин⁸ с его «экспрессивной выразительностью», «неиспорченностью Лолиты, похожей на статуэтку Бенвенуто Челлини» — все это явно либо по литературной невинности, либо по пьяному делу. Конечно, никого из этих нью-йоркских корифеев

Шекспиром сделать нельзя, потому выше лба уши не растут. Но нужно все-таки, чтобы они — если это возможно — думали о том, что пишут, а не фабриковали бы малограмотную халтуру. Вся эта критика, — это не моя инициатива, дело общее. Так что Вы на меня напрасно гневаетесь. Такое впечатление, что все это написано не в Нью-Йорке, а в Конотопе.

Как все это изменится, не знаю, но изменить следовало бы. И диктор Ваш. Этот Никита Морозов⁹ — о том, как надо читать тексты, он понятия не имеет, он способен любой текст погубить, а тот и без него плох.

Ну, хорошо, довольно огорчений. Ф<аина> Д<митриевна> Вам и Элли Карловне шлет самый сердечный привет. Жаль, что Вы так далеко, но если приедете в Европу, вспомните, — тут места есть хорошие. Главное, — берегите нервы и здоровье, потому организм у человека один и изнашивать его следует возможно медленнее.

Поклон самый низкий Элли Карловне. Крепко жму руку.

Ваш Г. Газданов.

¹ Один из персонажей романа Газданова «Эвелина и ее друзья».

² Газданов побывал в США в 1952 году по приглашению Издательства им. Чехова, предложившего ему должность редактора, и своего парижского друга Н. Г. Рейзини, оплатившего расходы на эту поездку.

³ Закутин Лев Григорьевич (наст. фам. Отоцкий; 1905–1977?) — эмигрант первой волны, писатель, философ, экономист.

⁴ Возможно, имеется в виду Тамара Петрова (настоящее имя Тамара Петровна Петровская) — диктор Нью-Йоркского отделения «Радио Свобода».

⁵ Николаева Галина Евгеньевна (1911–1963) — советская писательница, лауреат Сталинской премии, автор производственного романа «Битва в пути» и романа о жизни колхозников «Жатва».

⁶ Караваева Анна Александровна (1893–1979) — советская писательница, лауреат Сталинской премии, автор многих романов, повестей и рассказов, в разное время редактор целого ряда известных советских журналов.

⁷ Зозуля Ефим Давидович (1891–1941) — советский писатель и журналист, один из организаторов в 1923 году журнала «Огонек». Для Газданова перечисленные имена советских писателей стали, по-видимому, определенным символическим рядом, который иллюстрировал собой несостоятельность всей советской литературы. Так, например, эти же имена он упоминает в тексте своего радиовыступления 1970 года «Оценка творчества и испытание временем» (Газданов Г. Собр. соч. Т. 4. С. 384).

⁸ Завалишин Вячеслав Клавдиевич (1915–1995) — эмигрант второй волны, журналист, критик, поэт, переводчик, нью-йоркский корреспондент «Радио Свобода». Газданов, по-видимому, был не слишком высокого мнения о его литературных способностях. В письме к Л. Д. Ржевскому от 8 марта 1967 года он пишет: «Владимир Васильевич мне сказал, что в Нью-Йорке был Ваш литературный вечер, на котором доклад о Вас читал Завалишин, это жаль, он человек простой, ему сюжеты поскромнее нужны» (Газданов Г. Собр. соч. Т. 5. С. 224).

⁹ Морозов Никита (наст. имя Юлий Осипович Козловский) — диктор Нью-Йоркского отделения «Радио Свобода».

10

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

22 октября 1967 г.
Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

прошлый раз, упомянув о возможности «административного восторга», я писал еще до получения Ваших писем, — о них писал Ризер,¹ что «Газданов пишет». Через день-два после этого пришло первое Ваше письмо, которое произвело очень плохое впечатление здесь, а затем и второе, естественно, еще ухудшившее это впечатление. Неприятен уже тон, этакий сверху вниз, а кроме того, явная необоснованность целого ряда «придилок», — они так и выглядят, придирами. Ведь нельзя же, например, «Приметы времени»² снимать и издеваться над ними за то, что они посвящены советским делам — так, как это им и предписано по положению. Нельзя придираться к программе

из-за того, что в ней есть ссылки на Пастернака, который Вам не по душе: Ваша душа тут не причем <так!>, Пастернак «выполняет свою роль», требующуюся этой программой. То же и Набоков; неправы Вы и относительно Бенвенуто Челлини,³ — сравнение это Завалишин спер у того же Набокова, во-первых, а во-вторых, он заглянул предвзятельно в соответствующий словарь. И т. д.

В общем, мне пришлось сесть и по поводу Ваших писем написать довольно резкое объяснение, под конец смягченное, так сказать, «хорошим отношением к лошадям».⁴ Не знаю, как решит начальство с этим объяснением, — я свое дело сделал и этим внес некоторое успокоение.

Суть же дела такова: если у Вас там кто-то решил «наводить порядки», то начал он явно не с того конца. За счет «малых сих» это не делается: что Вы хотите от Закутина? Или что, Вы хотите выгнать писателя нашего экономиста? Ваш экономист (т. е. у Вас сидящий) пишет черт знает как, — а Вы, видите ли, нашим недовольны. Кроме того, люди пишут десять лет, они исписались до дыр и само собой разумеется, что одни программы слабы, другие чуть получше, иногда попадаются хорошие, — что, Вы думаете, может быть, цуканьем, предписанием исправить дело? А кроме того: почему Вы не смотрите «окрест себя»?⁵ Вы вот написали свои письма, — а мне тотчас же принесли одну из Ваших программ, из знаменитых «городов» (кажется, «Бухарест»), в которую заглянешь — мурашки по спине бегут. И знаете, сколько можно найти у Мюнхена таких программ? Так что же, будем друг друга поносить и стараться «исправить»?

Болезни радиостанции мы знаем очень хорошо, начиная от тех, что относятся к пишущим, — но они-то, повторяю, птицы мелкие, от которых зависит немного, — и кончая совсем другими, которые зависят не от нас. В свое время, в Мюнхене, мне это испортило достаточно нервов, пока для меня не стало ясно, что сделать по существу ничего нельзя, т. е. так, чтобы передачи вдруг стали ослепительными.

Я думаю, что и сами Вы прекрасно это понимаете, — поэтому и отношу «нападки» просто к недоразумению, к выполнению некоего задания, очевидно, с несколько излишним пылом, вот и все. И никак не склонен рассматривать этот случай трагически: стоит ли, дорогой Георгий Иванович? По-моему, никак нет.

Сердечные наши приветы Фаине Дмитриевне и Вам и пребывайте в благополучии,

Ваш

¹ Виктор Ризер (наст. фам. Шиманский), сотрудник «Радио Свобода».

² Речь идет, по-видимому, об одной из программ нью-йоркского отделения «Радио Свобода».

³ Челлини Бенвенуто (1500–1571) — итальянский скульптор эпохи Возрождения.

⁴ «Хорошее отношение к лошадям» — стихотворение В. В. Маяковского (1918).

⁵ Цитата из книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790): «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

11

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

21 ноября 1967 г.

Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

узнал сегодня, что скрипт¹ о Ржевском,² в передаче о литературе, у Вас там сняли, сочли плохо написанным. Это жаль, мы хотели дать, постепенно, целый ряд скриптов об эмигрантских писателях и поэтах (среди них, разумеется, и о Вас), имея в виду интерес в России к эмиграции. Я для этого и авторов уже подыскал (в т. ч. и Ильинского:³ язык у него, правда, тяжел, но дело он знает; эта его работа, между прочим, была одобрена в университете профессорами — знающими, а не «профессорами»). Теперь приходится предпринять это откладывать: а вдруг Мюнхену не понравится? Этак Мюнхен, глядишь, нас по миру еще пустит, увольняться заставит за явной неспособностью, — а тут безработица, работенку трудно найти!

Ну, шутки оставим, перейдем к более серьезным вещам. В частности — как изволите здравствовать, поживать? Я по малости продолжаю продвигать очередной «мост», т. е. занимаюсь тем, в чем смысла Вы признавать никак не хотите. И в общем, «мост» очередной постепенно воздвигается: рукописи постепенно прибывают, стихи даже в изобилии, заставляющем уже и воздерживаться от просьб об их присылке. Так что, как видите, эмигрантская литература даже процветает, чему Вы верить упорно не хотите. Собираюсь уже прекращать прием материала: если все обещанное, то, с присланным, это составит даже больше 400 страниц, — а границу эту перешагивать не можем, по скудности ресурсов денежных. С ними, с этими ресурсами, опять плохо; сейчас предпринимаю как любят теперь говорить, «акцию» — рассылаю письмо примерно в тысячу адресов с предложением предварительной подписки на очередную книжку. Мало надеюсь на успех, но если даст сотню-другую долларов — тоже хлеб. Возможно, устроим вечер «Мостов», тоже может дать 200–300 долларов, но и это хлопотно и не просто. Был я тут на вечере «Граней»⁴ — было вполне по-колхозному, как я говорю, на районном уровне. А надо хотя бы приближенно к столичному, что трудно.

Наши сердечные приветы Фаине Дмитриевне и Вам и пишите,

Ваш

¹ Скриптами назывались написанные для радиопередач тексты.

² Газданов, Ржевский и Хомяков, будучи людьми одного возраста, были связаны не только профессиональной работой на радиостанции, но и дружескими человеческими и «литературными» отношениями. Висказавшись критически по отношению к Ржевскому, Газданов вызвал недоумение Хомякова.

³ Очевидно, имеется в виду Ильинский Олег Павлович (1932–2003) — поэт, прозаик, литературовед «второй волны» эмиграции. Публиковался в журналах «Грани», «Мосты», «Новый журнал».

⁴ «Грани» — журнал второй волны русской эмиграции, основанный в 1946 году во Франкфурте-на-Майне. С 1991 года издается в Москве. Сведений об упомянутом «вечере» найти не удалось.

12

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

29/XI/67. Мюнхен.

Дорогой Геннадий Андреевич, давно собирался Вам писать, да все как-то, как говорил Гоголевский городничий, «был чем-то развлечен», т. е. главным образом, работой. Хочу сразу же опровергнуть Вашу инсинуацию по поводу «Мостов», — всегда считал это дело стоящим и полезным, а Ваше участие в этом подвижничеством. Так что клеветать на меня в этом смысле нехорошо. Что касается Ваших проектов по поводу увеличения ресурсов, то тут помочь Вам трудно — могу, конечно, прислать стоимость подписки, если хотите, но это капля в море.

По поводу текста о Ржевском и Вашей идеи передач об эмигрантских писателях и поэтах. Предпочитаю писать об этом частным образом, а не в нью-йоркскую редакцию. Вот в чем дело. Текст Ильинского действительно плохой, но не только из-за стиля, а еще и потому, что Леонид Денисович наш милейший в нем представлен совершенным корифеем. Я понимаю, что такая передача доставила бы Л<еониду> Д<енисовичу> удовольствие, но как «Литературный портрет» это совершенное барахло, и зачем людей вводить в заблуждение? Насчет других писателей и поэтов есть два соображения. Во-первых, такие программы у нас уже были несколько лет тому назад.¹ Во-вторых, если бы необходимость в их новом варианте возникла,² то есть Адамович,³ который этот вопрос очень хорошо знает и который пишет все-таки лучше других наших сотрудников. Я только что вернулся из Парижа, куда ездил по делам и где устраивал, в частности, беседу за круглым столом⁴ — Адамович, Вейдле, Струве — не американская балда,⁵ а его племянник, Никита, профессор русской литературы

в Сорбонне⁶ — и интервью с тем же Адамовичем о его книге «Комментарии».⁷ Адамович для нас усердно работает. Очень было бы желательно, чтобы Вы, в частности, сообщали нам о Ваших проектах и чтобы была некоторая согласованность в работе. У нас, например, «Комментарии» идут в особой программе и читаются из них очень длинные отрывки. Есть у нас — для будущего — передача Никиты Струве о книге «Из глубины»⁸ — и должен Вам откровенно сказать, что это все-таки не Коряков⁹ с его «Контрапунктом»,¹⁰ где он недавно цитировал Булгакова — «Россия — зловонная падаль, на которую набросилось воронье»¹¹ — и конец совершенно недопустимый, где Христос в нищем виде бродит по нашей стране и народ это поймет, упадет на колени, раскается и будут кричать: «Раввуни!»¹² — что это такое? То, что старик Булгаков такую хреновину написал, Бог ему судья, но зачем это цитировать, ставя себя в идиотское положение и не понимая органически, что можно и чего нельзя? В частности, какому русскому, советскому или эмигранту, понравится или покажется верным сравнение России со «зловонной падалью»?

Полемику с нью-йоркской редакцией возобновлять нет смысла, но дело в том, что выработалась рутина, дескать, наши программы хороши и все должны идти. А в самом деле, как Вы мне писали — совершенно справедливо — все «исписались до дыр», да кроме того, и писали-то не Бог весть как. Во время моего отсутствия прошел текст Завалишина о Мальро.¹³ Я его не видел, но задаю себе вопрос: т. к. книга Мальро «Антимемуары»¹⁴ вряд ли успела быть переведена на русский язык, а Завалишин никакого другого не знает, — то как он об этом писал? Вдохновленный Святым духом? Но так или иначе, постараюсь в дальнейшем максимальное количество нью-йоркских программ пропускать, никого обижать не хочу, да и кормиться людям тоже нужно. В своих объяснениях Петровская,¹⁵ — которая, вообще говоря, не такая уж дура, — простодушно пишет, что ее программа точно соответствует каким-то инструкциям, такой-то раздел, такой-то параграф — святая женщина, забывающая о том, что если программа плохая, то никакое соответствие ничему не поможет. А Ваш ответ я читал с истинным удовольствием — не потому, что я был бы согласен с Вашими возражениями, а потому, что Вы героически защищаете Ваших сотрудников, хотя цену им знаете не хуже меня. Это так и полагается, правильно и заслуживает уважения, хотя, повторяю, что убежден в том, что «сами все знаем», чего тут хитрить? Теперь так: представьте себе, что Вы лично писали бы о Ржевском — чисто теоретическое предположение, конечно, — написали бы Вы, как Ильинский? Уверен, что нет.

Ну, хорошо. Живем по-прежнему, из кулька в рогожку, вечерами пишу иногда свой бесконечный роман, кое-что читаю — по-французски или по-английски чаще всего — езжу на станцию, гуляю и думаю, что Вы правы — иронии и насмешке цена небольшая, это самая легкая вещь и не в этом дело, на этом далеко не уедешь. Когда я пишу «для себя», этим не злоупотребляю, — как Вы, вероятно, знаете. И людей надо жалеть, в этом Вы тоже правы. Это все я Вам пишу частным образом и в личном порядке, а не редакторском, будь он неладен. Ф<аина> Д<митриевна>, слава Богу, все в порядке, жаловаться не приходится. У меня неблагополучно — будильника по утрам не слышу и большой аппетит, нехорошо. А в остальном как будто ничего.

Элли Карловне сердечный привет от Ф<аины> Д<митриевны> и меня. Крепко жму руку.

Сердечно Ваш Г. Газданов.

Р. S. Хорошо писали раньше: «прошу верить глубокому моему уважению и таковой же преданности. Готовый к услугам...» — Лестно.

¹ Л. Динеш упоминает, в частности, созданную Газдановым в 1964 году серию передач «О книгах и авторах». См.: *Газданов Г. Выступления на Радио «Свобода» (1960-е — 1971)* // Газданов Г. Собр. соч. Т. 4. С. 692.

² Примечательно, что уже 3 мая 1968 года Газданов пишет Ржевскому: «В нашей программе намечена серия под условным названием „Дневник писателя“. Мы предполагаем привлечь к участию в ней Вас, Адамовича, Вейдле, Хомякова, может быть, еще Иваска» (Там же. Т. 5. С. 692). Как известно, серия передач «Дневник писателя», действительно запущенная в 1968 году, стала одним из наиболее удачных и продолжительных радиопроектов Газданова.

³ Адамович Георгий Викторович (1892–1972) — поэт, литературный критик, основатель «парижской ноты».

⁴ Под своим обычным псевдонимом «Георгий Иванович Черкасов» Газданов провел несколько радиопередач в жанре «беседы за круглым столом». В данном случае имеется в виду беседа «Литературная критика в России», которая вышла в эфир 30–31 июня 1970 года. См.: *Газданов Г.* Собр. соч. Т. 4. С. 450–464.

⁵ Так иронически Газданов называет профессора Калифорнийского университета, автора книги «Русская литература в изгнании» Глеба Петровича Струве (1898–1985).

⁶ Струве Никита Алексеевич (1931–2016) — исследователь культуры и литературы русской эмиграции, автор монографии об О. Э. Мандельштаме, переводчик, издатель, с 1978 года до самой смерти — руководитель издательства «YMCA-Press».

⁷ «Комментарии» — последняя (1967), во многом итоговая книга Г. В. Адамовича, составленная из заметок и статей, написанных ранее и «разбросанных» в эмигрантской периодике 1920–1960-х годов.

⁸ «Из глубины. Сборник статей о русской революции» (1918). Сборник продолжал традицию социально-философской мысли, начатую сборниками «Проблемы идеализма» и «Вехи», включал в себя статьи виднейших философов, ученых, писателей, богословов о судьбах русского общества и государства, о Февральской и Октябрьской революциях. Среди его авторов были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Вяч. И. Иванов, П. Б. Струве, С. Л. Франк и др. Горячая полемическая направленность опубликованных под одной обложкой материалов привела к тому, что сборник был запрещен, почти весь его тираж был изъят из обращения и уничтожен. Впервые сборник был переиздан в Париже в 1967 году в издательстве «YMCA-Press». В России он был переиздан лишь в 1990 году.

⁹ Коряков Михаил Михайлович (1911–1977) — эмигрант второй волны, писатель, журналист, автор книги «Освобождение души» (1952).

¹⁰ По-видимому, речь идет о передаче или программе М. М. Корякова.

¹¹ Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — русский философ, богослов, православный священник. В данном случае цитируется его работа, написанная в форме философско-публицистических диалогов, вошедшая в книгу «Из глубины». См.: *Булгаков С.* На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // *Из глубины: Сборник статей о русской революции.* М., 1990. С. 91.

¹² Раввун! («наш учитель!», *сиро-халдейск.*) — обращение учеников к Иисусу Христу.

¹³ Мальро Андре (1901–1976) — французский писатель, философ, участник Сопротивления, министр культуры Франции в 1960-е годы.

¹⁴ «Антимемуары» (1967) — автобиографическая книга А. Мальро.

¹⁵ Очевидно, имеется в виду Тамара Петрова (наст. имя Тамара Петровна Петровская) — диктор Нью-Йоркского отделения «Радио Свобода».

13

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

5 декабря 1967 г.
Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

с удовольствием и удовлетворением, если «выразаться» смесью разных штилей, прочитал Ваше письмо. Конечно, во многом мы смотрим на вещи не только «хладно», но и одинаково, но кое в чем и расходимся, что тоже и не беда, и естественно. Часть расхождений, на мой взгляд, — из-за неполного знания условий, обстановки, и только о них, пожалуй, и стоит говорить.

Вы вот упомянули о передаче о книге Мальро, — нет, делал ее, вернее написал гору сырья, человек знающий, профессор и чуть ли не друг Мальро, — но написал таким суконным языком, что руки у меня опустились, когда увидел я этот «скрыпт». О книге я слышал, кое-что читал о ней и, конечно, не взял бы этого «писания» или не заказывал бы этому лицу, — но кто же меня спрашивает? Тут же почти все академики, как и в Мюнхене, и каждый считает (вернее, боится, что его не будут так считать) себя выше вас. Приехав, я было, ничтоже сумняшся,¹ стал править скрипты, соображаясь лишь с требованиями языка, здравого смысла и прочих таких же категорий, — Бог мой, что тут поднялось! Даже явно неграмотные возмутились и побежали жаловаться, говоря, что они в этих делах собаку съели, а он, т. е. я, с этим считаться не желает.

И пришлось мне плюнуть и сказать: а идите вы к дьяволу, со всеми вашими печенками больными. И виноват оказался я же: не умею «подойти к людям». Но как же к ним еще «подходить», если часть их просто неграмотна, часть если и грамотна, то в журналистике ничуть не искушена и т. д.?

Тем не менее, «подходить надо».

И надо потому, что — кто же иначе будет писать? Ведь кадило раздули большое, полагая, очевидно, что делать передачи можно и с людьми, для этого непригодными. Сколько у нас действительно пишущих людей, журналистов, писателей, которые к тому же знали бы и русскую грамоту? Раз, два — и обчелся, как говорят. В то же время есть «план», и передачу к сроку вынь да положь.

Так и с Мальро: заставил я переделать раз, два, на третий выбросил всю глупость, оставил лишь «информацию» о книге — и решил, что лучше ограничиться именно информацией, чем давать ерунду. И это — в последний, что называется, час, когда ее надо было уже отправлять.

План, раздутое кадило, отсутствие каких-либо «резервов», полуграмотная или некомпетентная публика, — все это вместе и объясняет, почему наша станция дает столько скучного, серого, дрянного материала (об этом я не раз и в Мюнхене говорил). Но что же сделаешь? Нет сомнения, что если бы мы передавали в два раза меньше материала, но действительно интересного, живого, это было бы куда эффективнее, чем сейчас. Но кто же позволит нам сократить программу? Тогда ведь и бюджет придется сокращать, — вещь совершенно немыслимая.

Так что, все одно за другое цепляется. Станция обюрокрачена «с ног до головы», — а всякая бюрократия работает прежде всего для себя самой, а потом уже — «на общее дело». Так получается и на станции. И мера в этом случае может быть только одна: в первую очередь с точки зрения потребности бюрократии.

Все это, однако, Вам известно не меньше, чем мне. Между прочим — и все это действительно только «между нами»: не может быть решительно никакого толка, если не «между нами», — получится разве лишь «отрицательный толк».

А вот относительно передач о писателях я с Вами не соглашусь. Да, конечно, и Ржевский, как и все другие наши нынешние писатели — не Толстые, не Бунины, Чеховы и т. п. Но этими мерками и не надо мерить, и было бы мерить сейчас неверно, — и я думаю, что Вы тут как бы неправомочно предъявляете, или собираетесь предъявлять слишком высокие требования. Да и во все времена была «средняя» литература, — почему же отказывать ей в праве на существование сейчас? И Адамовича тут не нужно беспокоить, — он и так пишет, и лучше, если будет занят своими темами, для станции же, и наши нынешние «средние» просто не для него, ему и неинтересно ими заниматься. Тут некое сравнение может быть только одно: с сов<етской> литературой и писателями, — с Ефимами Зозулями на Ваш взгляд, хотя, конечно, прямого сравнения проводить совсем не надо, какого бы то ни было. И вот подобных «средних» прозаиков и поэтов у нас наберется десятка полтора, думаю, а если прибавить Адамовича, Вейдле, Зайцева,² то и еще больше (пожалуй, даже человек 25), иначе говоря, на полгода передач. Интерес к эмиграции в России есть безусловно, — почему же нам об этом не говорить?

Мнения, что кроме «Из глубины» ничего нет и недостойно передачи, я никак не разделяю. Это тоже снобизм известного рода, высокомерие, нам совершенно не нужные. «Комментарии» Адамовича я необычайно ценю и к нашим передачам о них в «Книжной полке»³ я даже приписал, что эта книга — наиболее значительная в русской литературе за целый ряд лет. Но это Адамович, и другого такого Адамовича у нас нет, — надо заниматься и «меньшими явлениями», вопрос только в том, чтобы делать это основательнее, без крика, фанфар и т. п. У Ильинского, кстати, и не было фанфар, а что пишет он тяжело, что же сделаешь — и не будешь же все скрипты переписывать на свой лад. В общем, я думаю, что за эти передачи следовало бы приняться, поговорите у вас в «офисах». Между прочим, то, что делали прежде — это были передачи совсем в другом духе и отнюдь не о всех писателях, а лишь о некоторых, да еще с «серебряковыми завихрениями».

Вы чувствуете, как я пишу это письмо? На двух машинках и в течение уже двух дней. Поэтому и получается тягучая кишка.

«Мосты» тем временем продвигаются: есть уже более чем на три четверти материала, подойдет вскоре и последний. Опять будет том страниц на 400. О деньгах, дорогой, я ей-ей не намекал, — просто стонал почти по привычке. Думаю, что как-нибудь выкрутимся и с деньгами. В личном плане «Мосты» у меня, конечно, служат и вроде прибежища, хотя тихой пристанью их не назовешь. Тут один дурень однажды сказал, что, дескать, «Мосты» нужны мне «для важности», для придания ее моей персоне, — но дурень он дурень и есть. Где-то и в какой-то мере, разумеется, это и «потешение печенки самолюбия», но этим ведь дело отнюдь не исчерпывается. При всех условиях, они нужны и важны, а это главное, при всем хладно-рассудочном и даже циничном отношении. А в тутошней, да и вообще кутерьме нынешней — конечно, это прибежище.

Однако, письмо в самом деле превратилось в какой-то монстр, а не письмо. Принимайте наши приветы, Фаине Дмитр<иевне> (она тоже в Мюнхене?) и Вам, и живите благополучно,

Ваш

¹ Ничтоже сумняшеся (*церк.-слав., книжн. ирон.*) — нисколько не сомневаясь (*Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: В 2 т. / Под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск; Greifswald, 2009. Т. 2. С. 94.

² Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — эмигрант первой волны, русский писатель, переводчик. Автор романов «Золотой узор», «Дом в Пасси», тетралогии «Путешествие Глеба», беллетризованного жития «Преподобный Сергей Радонежский», биографических книг о Тургеневе, Жуковском и Чехове.

³ По-видимому, одна из передач Нью-Йоркского отделения «Радио Свобода».

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-215-218

© Т. С. Царькова

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОСТУПЛЕНИЙ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ПУШКИНСКОГО ДОМА (ФОНД АЛЕКСАНДРА МОРЕВА)¹

Прошедший 2018 год и первая половина года 2019-го стали весьма успешными для Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН с точки зрения новых приобретений. В результате проведенной работы по комплектованию было принято на хранение 85 новых поступлений.

В апреле 2019 года инженер-кораблестроитель и поэт Анатолий Филиппович Домашёв передал в дар Пушкинскому Дому обширный фонд поэта, прозаика и художника

¹ В этом номере журнала мы впервые публикуем материалы о последних поступлениях в Рукописный отдел Пушкинского Дома. В отличие от постоянного раздела «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» (см. рубрику «Новые поступления в Рукописный отдел Пушкинского Дома»; электронная версия выпусков «Ежегодника...», начиная с первого, 1969 года, доступна по адресу: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/ежегодник-рукописного-отдела-пушкинского-дома>; дата обращения: 31.07.2019), в котором перечислительно приводятся имена дарителей и выносятся благодарности им, а также справочно, предельно кратко дается исчерпывающий список поступлений; в этом сообщении, которое видится нам ежегодным, предполагается останавливаться на одном или двух самых значительных архивных приобретениях — будь то фонд или коллекция, может быть, и не именитого владельца, но содержащие документы, представляющие интерес и открывающие перспективы для исследователей-гуманитариев.